18+

Рада Ким

БЕСКОНЕЧНАЯ ПРАКТИКА

ANIMARA

Рада Ким
Бесконечная практика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69978601
ISBN 9785006083820

Аннотация

Анимара – это племя единомышленников, которые исследуют этот мир, в том числе с помощью влияния звука и вибраций на человека. Анимара – это раскинутые по миру островки, попав куда, ты чувствуешь себя дома. Анимара – это тысячи людей, которые изучают звук и учатся с его помощью менять частоту этого мира. Анимара – это сообщество искренне верящих, что все мы – это один удивительный организм и что помощь другому – это, на самом деле, помощь себе. И эта книга о проекте Анимара, бесконечная практика.

Содержание

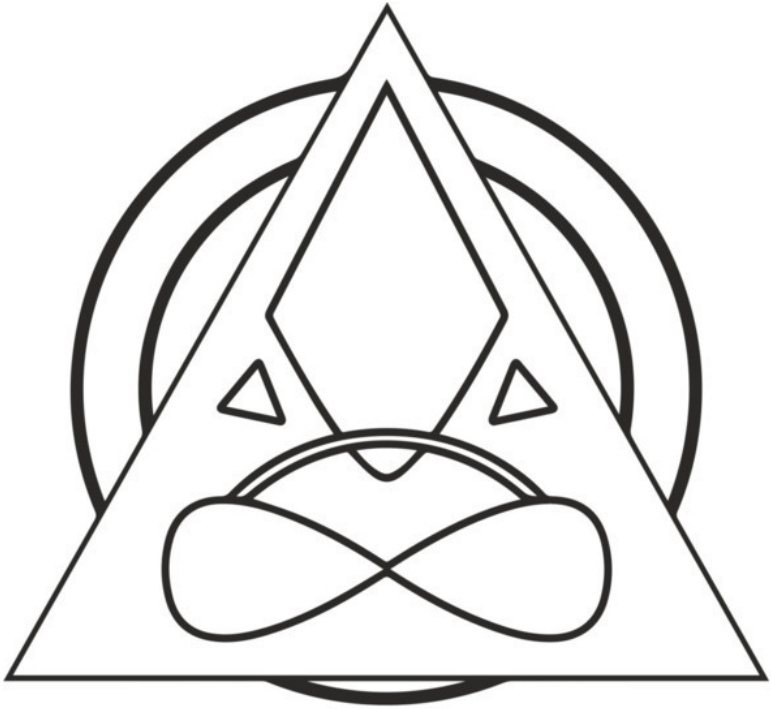
Дисклеймер 6
Предисловие 7
Глава 1. Бесконечная практика 9
Глава 2. Фестиваль 31
Глава 3. Кролик в Праге 47
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Бесконечная практика

Рада Ким

© Рада Ким, 2023

ISBN 978-5-0060-8382-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



ANIMARA

Дисклеймер

Книга не пропагандирует употребление наркотиков, психотропных веществ или каких бы то ни было других запрещенных веществ. Автор категорически осуждает производство, распространение, употребление, рекламу и пропаганду запрещенных веществ. Наркотики – это плохо!

Предисловие

Возможно, эта книга станет для вас знаком, который вы давно искали. Знаком, что где-то в мире есть люди, верящие в красоту своей мечты и готовые разделить тепло общего костра с единомышленниками.

Книга посвящена международному проекту Анимара, который объединяет десятки тысяч людей в большое и по-домашнему теплое сообщество. Проект изучает влияние звука и вибраций на организм и обучает играть на редких инструментах. На страницах книги вы будете находить коды, которые помогут вам лучше понять тему или глубже погрузиться в состояние автора.

Если после прочтения книги вы почувствуете, что описываемые места вам близки, и у вас возникнет непреодолимое желание узнать больше о том, насколько эти события реальны, то в конце мы оставим вам секретный код, по которому вы сможете найти нас в любом городе России.

Максимально полезно будет, если вы станете останавливаться на понравившейся цитате или абзаце и не торопясь попробуете пропустить через себя слова и смыслы.

Эта книга имеет прямую связь с реальными событиями, и большая часть событий и людей в этой книге подлинные, как и истории, описанные в ней.

Добро пожаловать в нашу историю. Начинается она в ми-

стической Индии и городе Варанаси.

Глава 1. Бесконечная практика

В голову ударил резкий запах дыма, благовоний, полусгнивших цветов, сырости, навоза с примесью чего-то такого, о чем совершенно не хотелось думать, но воображение, не подчиняясь рассудку, продолжало рисовать страшные картины. Такой невообразимый букет, к сожалению или к счастью, – неотъемлемая часть путешествий по Индии, но здесь и сейчас он был абсолютно невыносим. Вокруг сгущался туман, растворяя в себе тусклый желтый свет фонарей. «Мы не должны быть здесь», – упорно повторяла та часть сознания, которая, вопреки происходящему, все еще пыталась сохранить способность мыслить рационально.

«Еще не поздно все исправить, можно просто развернуться, остановить редкого, но все же возможного в это время рикшу, дать тощему индусу 30 рупий, и ты снова окажешься в отеле, в постели с белыми простынями, отдающими дешевым, но эффективным стиральным порошком. 30 рупий – цена стирального порошка для твоей памяти, дорогая, одна стирка – и желтый туман исчезнет с полотна сознания (как в той самой рекламе, каких много, но врут все одинаково), притворяясь плодом твоего воспаленного воображения и результатом передозировки перца чили во всем, что ты кладешь в рот».

Убедительно. Но ложь. Рассудок не учел тот факт, что для

меня, такой, какая я есть сейчас, пути назад не было, назад могла уйти только какая-то другая я, в тех же черных шароварах, за которые мне пришлось порядком поторговаться на мейн-базаре, с тем же рюкзаком, в который неизменно влезало все, что было необходимо во время путешествия, но я настоящая осталась бы здесь, в Варанаси, на влажной мостовой набережной Ганга, в попытках выцепить из темноты понятные очертания – костыли для едва подающего признаки жизни так называемого социально приемлемого мировосприятия.

На подобные размышления было потрачено не более двадцати пяти секунд, однако за это время двое моих спутников ушли далеко вперед. За спиной один из них нес большой круглый предмет, образовывая в совокупности с ним весьма непривычный для глаза силуэт, так что их фигуры, закутанные в черные мантии, с посохами в руках издалека можно было принять за какую-то деталь окружающего сюрреалистического пейзажа.

Пришлось прибавить шагу.

Когда до них оставалось около двадцати метров, из тумана неожиданно для меня вынырнул третий. Мои спутники вступили с ним в диалог. Видимо, третий был им знаком и, более того, у них была договоренность о встрече именно здесь, у подножия бесконечной лестницы, которая днем вела в индуистский храм, но теперь из-за тумана этого нельзя было сказать наверняка. Невольно дернулась рука, и на черном

зеркале экрана фитнес-браслета, обхватывающего змеей запястье, загорелись цифры: было ровно три часа ночи.

Я поравнялась с говорящими, теперь имея возможность их разглядеть. Блеклый луч фонаря осветил лицо незнакомца, того, третьего: он был достаточно молод, индус, его длинные черные волосы, видимо, естественным образом свалявшиеся в дреды, были собраны на голове в приличного размера гнездо, которым была бы довольна не то что ворона, какая-нибудь птица вроде небольшого орла вполне комфортно могла бы там разместиться. На нем были традиционные для священнослужителя оранжевые одежды, на шее покоилась пара килограммов бус из рудракши[1], вся поверхность тела, не закрытая одеждой, была усыпана пеплом. На его темном лице блестели живые глаза, честно выражавшие вполне естественное желание: юноша хотел денег.

Из разговора на понятном людям всех национальностей языке – смеси жестов и ломаного английского – стало ясно, что молодой человек – служитель храма, к которому днем вела бесконечная лестница, и что все его предки и, судя по всему, потомки, были и будут представителями этой почетной должности. Однако, видимо, заработанное на этой почетной должности не совсем удовлетворяло потребностям предков и уж тем более потомков юноши, иначе что еще могло бы

[1] Вид вечнозеленых широколиственных деревьев семейства элеокарповых. Произрастает в основном на Индо-Гангской равнине и в предгорьях Гималаев. Считается, что рудракша является оберегом, защищающим от негативных воздействий со стороны других людей и обстоятельств.

поднять его среди ночи и привести к точке пространства на влажной мостовой берега Ганга у подножия бесконечной лестницы?

Через минуты две оживленного разговора собравшиеся пришли к соглашению о сумме. Перспектива нарисовалась следующая: меня и двух моих спутников юноша обещался перевезти на другой берег Ганга, а затем, когда задуманное будет исполнено, вернуть нас обратно. Наш проводник уверенно зашагал вглубь тумана вдоль набережной, жестом указав следовать за ним. С этой момента моя жизнь не застрахована, подумалось мне тогда, и та рациональная часть меня, которая до сих пор тщетно пыталась вразумить все мое существо, отчаялась и, судя по всему, больше не хотела со мной иметь дело, во всяком случае, с тех пор я ее не слышала. Это был момент, когда в очередной раз, подобно змее, я сбросила старую кожу, и из-под блеклой шелухи засияла другая, способная отражать окружающий свет и вплетать его переливчатыми бликами в причудливые орнаменты моего нового одеяния. Очарованная этой картиной и уместностью найденной метафоры, я вслед за тремя силуэтами нырнула в узкий коридор между стенкой набережной и какой-то абстрактной бетонной конструкцией, отделявшей нас от реки. На стенке слева, как бы в противовес бетонной дани футуризму, прощупывались барельефы, созданные древними мастерами по заказу очередного раджи, который боялся, что его имя потонет в илистой воде истории, и потому посчи-

тал необходимым запечатлеть себя во всех ракурсах со всем своим имуществом, воинами и женами на каменных стенах священного города. «Чем не образцовая картинка из какого-нибудь блога?» – пронеслось в голове. Но раджа потратил свое золото напрасно – во время разливов Ганг затапливал этот узкий коридор, а вместе с ним всех воинов и жен, так что вместо их лиц теперь красовалась текстура, вполне отвечающая четырем принципам дизайна японского сада: саби, ваби, сибуй и юген, – провозглашающим идеалом гармонии и красоты естественность форм. Пустая плоскость бетонной конструкции справа даже после разливов оставалась верна своему принципу не нести никаких дополнительных смысловых сущностей в этот мир.

Когда коридор неожиданно оборвался, мы резко остановились, так что я по инерции больно уткнулась носом в твердую стенку круглого предмета, который нес за спиной шедший передо мной мой товарищ. Оставив раджу с его экзистенциальными поисками позади, мы вышли на небольшой клочок суши, разделявший коридор и реку, настолько маленький, что мы вчетвером едва на нем умещались. Я огляделась по сторонам: всюду, куда доставал взгляд, были только вода и туман, растворяющийся молоком масала-чая в непроглядной черни пустоты, родившей весь этот мираж. Воды Ганга с царственным спокойствием перемещались в сторону штата Бихар и дальше на восток, ничуть не утруждаясь нашим присутствием.

Откуда-то из темноты по направлению против течения на нас выплыла лодка и неслышно вошла в глинистую почву причала. На корме ее что-то зашевелилось, и затем, став окончательно материальным и осознанным, это нечто обнаружило в себе человеческую фигуру. Перед нами возник старик: сложно было сказать наверняка, сколько ему лет. Нелегкая жизнь и лишения могли состарить его раньше времени, ему можно было дать и пятьдесят, и шестьдесят, но выглядел он на все сто. Он весь состоял из этой пустоты, которая его выплюнула: впалые черные глаза, щеки, а вернее, их отсутствие, беззубый рот и тысячи разветвлений мелких морщинок, казавшихся оттиском самого Ганга с высоты спутников компании «Гугл», – все это создавало впечатление, что старичок существует только благодаря силе концентрации мысли о его существовании, и стоит ослабить внимание, как тот уйдет обратно в инертную пустоту, дабы не усложнять эту реальность таким необязательным для нее атрибутом, как его тело. Когда с запада подул ветер и ветхая ткань одежды облепила худощавое тело старика, я почувствовала некоторое облегчение – тело все-таки существовало.

Один из моих спутников поприветствовал лодочника жестом намасте, вручил священнослужителю положенные ему свернутые в трубочку бумажки и сделал решительный шаг по направлению к лодке, но вдруг остановился, как будто что-то внезапное отвлекло его внимание. Долю секунды он сосредоточенно вглядывался в туманную темноту другого

берега, а затем коротким движением головы переместил фокус своего внимания на меня, а точнее куда-то вглубь меня в области лба. Его звали Сергей.

– Ты точно плывешь с нами, Рада? – то ли с вопросительной, то ли с утвердительной интонацией произнес Сергей, направляя на меня свое изречение, как дуло пистолета. Мое собственное имя, произнесенное вслух в этом месте, стрелой разрезало воздух и перенеслось на другой берег реки, скрывшись в гуще тумана. Он меня прочитал, но хотел убедиться, не прихватила ли я с собой в рюкзачке на всякий случай свою старую змеиную кожу.

Как бы уворачиваясь от рентгеновского луча его взгляда, молча, тупо глядя перед собой, я преодолела полметра суши, нос лодки и пару деревянных досок, установленных поперек корпуса в качестве скамеек. Теперь все мои мысли устремились туда, где исчезла стрела моего имени.

Наша троица в молчаливом сопровождении лодочника отпочковалась от берега и под ритмичные глухие всплески весла направилась в сгусток тумана – необитаемый берег Ганга, сторону мертвых.

Моего второго товарища, который нес за спиной круглое нечто в чехле, звали Александр, лодочник указал нам с ним вдвоем оставаться на корме, чтобы сбалансировать ход судна.

– Результат того, что произойдет сейчас, мы будем наблюдать на дистанции в десять, может, в двадцать лет, – нару-

шил напряженное молчание Сергей. Он сидел на носу лодки и, казалось, разговаривал не с нами, а с кем-то скрытым за пеленой тумана.

– Ну это ты загнул про десять-двадцать лет, честно говоря, я надеялся, что пораньше, – отозвался Александр, – но если и правда все получится так, как ты говоришь, то можно и подождать, что ж поделать…

– Через двадцать лет мне будет больше сорока и с некоторой долей вероятности я буду иметь семью, детей, вот это все, – пробурчала я себе под нос. Мне казалось, что после сорока жизнь заканчивается.

– Человек, сажающий семечко дерева, осознает, что никогда не сможет сидеть в его тени и наслаждаться его плодами. Если уж ты заговорила о детях, – Сергей отвлекся от своего невидимого собеседника, и теперь его взгляд блуждал по сторонам, как будто в поисках новых слушателей, – считай, это для них мы строим мир, все бонусы которого будут доступны только их поколению. Но игра стоит свеч, это я тебе гарантирую, – с воистину игровым азартом изрек Сергей, на этот раз обратившись непосредственно к нам.

Какая игра и каких таких свеч она мне будет стоить, пока было решительно неясно, но очевидно было одно: цель нашей ночной вылазки с каждым пройденным метром мерцающей темной массы воды неумолимо приближалась.

Я перегнулась через борт лодки, вперила взгляд в толщу воды и долго смотрела, не моргая. Я понимала, что смот-

рю в глаза самой смерти, но не той сутулой, пристыженной, пропитанной кислым запахом старых советских квартир с желтыми обоями в разводах, встретив которую на улице в Москве, люди испытывают отвращение и отводят взгляд. В Москве не умеют умирать. Нет, здесь смерть была богиней, к которой люди шли с распростертыми объятиями.

После нескольких минут моих наблюдений я поняла, что река изменилась. Вода уплотнилась до состояния расплавленного мазута, и теперь рябь на ее поверхности казалась не побочным эффектом дуновения западного ветра, а результатом титанического внутреннего напряжения в теле гигантского существа, по спине которого перемещалась наша лодка. Мышечное усилие разорвало гиганта на тысячи кусочков, и теперь каждая волна казалась самостоятельным существом со своей волей и разумом. Можно было проследить, как она рождалась, выплывая из-под гладких тел своих собратьев, и умирала, когда ее силы угасали. Это завораживающее переплетение напоминало экстатический танец какой-то давно забытой цивилизации, которая была, наверное, мудрее нас, но сгинула на пике своего развития из-за какой-то ничтожной, но роковой случайности.

Тем временем туман сгустился настолько, что, вытянув руку перед собой, я с трудом могла разглядеть кончики собственных пальцев. Однако нашего эфемерного лодочника это отнюдь не смущало, он точно знал, куда плыть.

Лодка зашелестела от соприкосновения с дном и, посте-

пенно замедляясь, осела на мели прибрежной полосы. Мы по очереди спрыгнули на пропитанную влагой и покрытую водорослями серую почву.

Очень сложно было представить, что место, куда мы попали, было на планете Земля. Куда ни посмотри, везде был туман, плавным градиентом соединяющий землю и небо. Казалось, что перспектива искривилась и мы смотрели на мир через огромную линзу, которая выгнула плоскость пустыни стороны мертвых (так назывался берег Ганга, на котором мы высадились) и небосвод в обратную сторону таким образом, что теперь они представляли собой две огромные полусферы, образующие при соединении шар, заполненный молочной дымкой тумана.

Мы стояли внутри этого шара на островке земли, который был будто высвечен фонариком, как если бы кто-то от скуки решил поиграть лучом света с котенком. Пятнышко света убегает за секунду до финального прыжка, и даже если котенок настигает добычу, воспользовавшись задумчивостью хозяина, между лапок оказывается пустота. Так и я пыталась поймать эту ускользающую реальность, сомневающуюся в собственной материальности.

Мы двинулись в гущу тумана, надеясь, что пространство и дальше будет милостиво предоставлять нам в пользование почву под ногами. Пространство было не против, однако к чавкающему звуку шагов прибавился хруст. Я посмотрела под ноги: вся поверхность была усеяна ракушками, мелкими

косточками, черепами рыб и птиц, которые звонко ломались при каждом нашем шаге, отражаясь звоном в бесчисленном количестве микроскопических капель, висящих в воздухе.

Сергей шел вперед, все ускоряя шаг, так что иногда я переходила на бег. Казалось, что мы могли куда-то опоздать и во что бы то ни стало было необходимо оказаться в определенном месте в определенное время.

Траекторию нашего движения я находила весьма странной: два раза мы резко повернули направо, пару раз сделали два больших круга, так что, по моим расчетам, мы должны были оказаться в том же месте, откуда пришли. Однако теперь вместо мелких косточек и ракушек то тут, то там под ноги попадались выбеленные от времени скелеты и черепа коров, которые, как корабли в открытом море в штиль, мерно покачивались в дрожащем моросящем воздухе в ожидании попутного ветра.

– Почти пришли, – тихо сказал Сергей.

Перед нами был небольшой пруд, точнее, заводь реки – вода, оставшаяся после сезона дождей в углублении рельефа с небольшим возвышением посередине. Примечательно было то, что пруд, обязанный своим существованием какой-то ошибке природы и внезапно оказавшийся на нашем пути, был идеально круглой формы, вода в нем в самых глубоких местах едва доставала до щиколотки. Из-за абсолютного затишья поверхность заводи стала зеркалом, заключившим в себе брата-близнеца ночного неба. Мы ступили на воду,

и стена тумана замкнулась за нами, так что теперь у нашего зеркала не было берегов. Александр и Сергей шли впереди меня, я была замыкающей. Всплески их шагов заглушались густым, пропитанным влагой воздухом, их тени бесшумно скользили по поверхности воды, подобно героям азиатского кино 2000-х про восточные единоборства. Мы парили где-то в предрассветном сумраке между тьмой, разверзающейся у нас под ногами, и бездонным небом над головой в тишине, которую, казалось, можно было есть ложками, настолько она была плотной, осязаемой, непроницаемой.

На сухом островке посередине Сергей достал из круглого чехла то, ради чего мы проделали столь длинный путь. Это был круглый металлический предмет, состоящий из двух соединенных полусфер с выпуклой округлостью сверху. Вокруг нее располагались вдавленные в стальную поверхность овальные плоскости с углублением посередине, в центре нижней полусферы зияла дыра.

Сергей сел на песок, по-турецки скрестив ноги, взял металлический объект на колени и ударил по нему пальцем. Звук, который последовал за этим действием, исходил не от металла. Он зарождался в каждой точке пространства, открывая себя в каждой клеточке моего тела. Каким-то седьмым чувством я поняла, что таким же образом он обнаружил себя и в косточках, рассеянных по пустыне стороны мертвых, и в тех таинственных существах, на которых расщепил себя Ганг. Соединяясь между собой в угоду льющейся мело-

дии, эти капли превратились в ударную волну, которая, как цунами, накрыла нас всех с головой и, казалось, перевернула привычный мир с ног на голову на много миль вокруг. В легких перестало хватать кислорода, я поняла, что теряю равновесие. Чтобы устоять на ногах, я машинально уцепилась за рукав мантии Александра. Происходящее напоминало сон, в котором осознаешь, что спишь, но все равно не можешь проснуться. Я закрыла глаза и отключилась…

Не знаю, сколько я пробыла без сознания, но очнулась я лежа на сухой почве с большими трещинами, какие бывают в руслах засохших рек. Надо мной на фоне безоблачного ночного неба сияла полная луна. Своей ослепительной и столь неуместной здесь белизной она создавала неловкое ощущение, что все небо – это большая крышка, которой накрыли некий сосуд вместе с нами на дне этого сосуда, и, чтобы мы не задохнулись, нам оставили маленькую дырочку, через которую по ночам был виден ослепительно белый лунный свет.

Туман рассеялся, как будто его и вовсе не было. На востоке линия горизонта окрасилась теплым розоватым цветом. Светало. Мои спутники сидели неподалеку от меня у небольшого костра и тихо о чем-то переговаривались, по очереди ковыряясь прутиком в горящих дровах. Я промычала что-то невнятное и попробовала пошевелиться. «О, смотри, очнулась», – оживился Александр, заметив мои тщетные попытки обратить на себя внимание. «Ну хорошо, тогда скоро

двинемся обратно», – заключил Сергей. Он подошел ко мне, присел рядом на корточки и дружески потрепал по плечу.

– А ты молодец, не переживай, что под конец не дотянула, все закончилось как надо, лучше не придумаешь, – ободряюще произнес он, заглядывая мне в глаза.

– Закончилось как надо, но без меня, – с обидой протянула я.

– Значит, так надо, – спокойно ответил Сергей. Он не любил, когда я ныла.

Я села и огляделась. Вокруг была пустыня, сплошь покрытая трещинами, конкуренцию тому обилию горизонтальных линий составляли лишь вертикали засохших деревьев высотой не больше трех метров, вдали кое-где виднелись черные островки зарослей кустарников, слева от нас поблескивала река. «Хоть река на месте, и на том спасибо», – подумала я. Да, пожалуй, исчезновение великой реки индусы вряд ли бы нам простили.

На одном из кустарников я невольно задержала взгляд – с ним было что-то не так, с течением времени он как будто менял очертания. Я обернулась на своих товарищей – они напряженно смотрели в ту же сторону и, видимо, уже давно были озадачены тем же явлением. Мы переглянулись – решение было принято единогласно, любопытство взяло вверх, и мы двинулись к загадочному островку с твердым намерением выяснить, в чем же дело.

По мере сокращения дистанции между нами и таинствен-

ным объектом движения внутри него стали более отчетливыми, темная масса разделилась на силуэты, а через две минуты ходьбы мы уже не сомневались в том, что понимаем, что именно из себя представлял островок, привлекший наше внимание. Это осознание как будто обдало меня ледяной водой с головы до ног, и я остановилась как вкопанная. Посреди пустыни стороны мертвых в сумеречном свете наступающего дня мы увидели стаю диких собак. Что-то не сходилось в моем восприятии этих животных: казалось, учитывая расстояние и законы перспективы, они должны были выглядеть меньше в масштабе. На разрешение этого несоответствия мозгу понадобилось несколько секунд – последовавший за ним ответ ужасал своей неопровержимостью: животные были раза в полтора больше по размеру, чем те, которых накануне днем мы видели на грязных обочинах индийских улиц и, испытывая сочувствие к их жалкому виду, кормили остатками лепешек. По моим торопливым подсчетам тех, что находились сейчас в двухстах метрах от нас, было порядка пятнадцати или двадцати штук. Сбившись в плотную кучу, они нетерпеливо копошились, всецело поглощенные предметом, находящимся в центре стаи. Каждая из них старалась пробиться к желанной цели, отталкивая своих сородичей, однако удавалось ей это ненадолго, так как те, которых вытеснили из круга, не хотели мириться со своим положением и продолжали борьбу.

Внезапно, как по команде, животные разбежались в сто-

роны, образовав большой круг и открыв нашему взору то, что было посередине. На земле лежала туша коровы. Почему она на свою беду оказалась здесь в это время, было непонятно, вероятно, заблудилась, отбилась от стада, но по воле случая мы стали единственными свидетелями последних мгновений ее жизни. Собаки отпрыгнули, потому что несчастная предприняла последнюю попытку спастись: лежа на боку в предсмертной агонии, она начала бить ногами, извиваясь всем телом и стараясь наугад поразить своих врагов, чтобы взять с них хоть какую-то плату за свою гибель, но ее силы быстро иссякали, и сначала осторожно, а затем с удвоенной яростью собаки вновь принялись за столь бесцеремонно прерванный процесс.

Я с ужасом наблюдала эту картину, страх сковал меня настолько, что на какое-то время я перестала дышать. Выражение лиц моих товарищей не обнаруживало никаких эмоций. Порой я совершенно не понимала, о чем они думают.

До сих пор мы оставались незамеченными.

Одна из собак отделилась от стаи и направилась в нашу сторону, в зубах она держала внушительных размеров кусок мяса. Очевидно, усмотрев в этом чудовищную несправедливость, двое ее сородичей последовали за ней. Расстояние между нами и этой троицей сокращалось с каждой секундой. Неподалеку от нас та, что держала добычу в зубах, ускорила шаг, но двое других, просчитав ее маневр, в два прыжка обогнали ее и отрезали беглянке путь к отступлению. Назревала

нешуточная схватка.

Внезапно в этом сюжете передачи из мира животных (отличающемся от того, что я видела на Youtube-канале National Geographic и подобных ему интернет-ресурсах, пожалуй, только остротой переживаний зрителя) появилось еще одно действующее лицо. Между тремя разъяренными животными с огромной высоты на землю спикировала птица. Запах свежей плоти и возможность утолить голод на ближайшие несколько часов притупили ее инстинкт самосохранения, и она отважилась на опасный шаг. На лету она подхватила клювом кусочек мяса, у самой земли изменила траекторию и уже расправила крылья для решающего взмаха, гарантировавшего ей успешное завершение рискованной операции, как вдруг одна из собак извернулась и молниеносным броском вперед стиснула между зубов крыло птицы…

Надо сказать, все это время мы были безучастными наблюдателями этих игр природы. Люди могут давать разную эмоциональную окраску происходящим в природе процессам: что-то нам кажется красивым – мы восхищаемся этим, превозносим это, а что-то вызывает отвращение, ужас. Однако для природы все одинаково естественно, а значит, и прекрасно. Природа познает себя через эти столкновения жизни и смерти, во всем этом проявляется ее мудрость, которую мы в течение жизни постигаем единичными проблесками осознания ее глубины и в итоге непостижимости. У человека же, в отличие от животных, есть выбор, какую роль

взять на себя в этой игре. Более того, зачастую от его выбора зависит ее исход…

Собака выпустила из пасти птицу, как бы желая взглянуть со стороны на содеянное, чтобы иметь в голове полную картину происходящего. Птица лежала на земле, беспомощно растопырив крылья – одно из них было сломано. Сделав вокруг своей добычи ритуальный круг, собака присела и оскалила зубы. Почуяв близость смерти, птица дернулась, перекатилась несколько раз через голову, забила крыльями, подняв в воздух облако пыли, рывками осилила высоту около двух метров над землей, но, как будто не справившись с управлением, снова рухнула к ногам своих мучителей. Склонив голову в жесте покорности, она приготовилась к неизбежному.

В этот момент с неба раздался пронзительный крик. Я подняла голову: над местом, где лежала раненая птица, кружилась стая ее хищных сородичей – судя по размаху крыльев и характерному клюву, это были орлы, по спирали они спускались ниже и ниже и, казалось, вот-вот атакуют хищников.

«Детеныш!» – мелькнула догадка в голове, и все внутри меня как будто сжалось в болезненный комочек жалости и бессильного отчаяния.

Я вопрошающе посмотрела на своих друзей: поняв мой немой вопрос, Сергей ответил коротким кивком. В его взгляде читалась та стальная непреклонность, которая всегда проявлялась в минуты принятия ответственных решений. Я зна-

ла этот взгляд очень хорошо – он означал, что его решение окончательно и бесповоротно, что пути назад нет и цель будет достигнута, чего бы ему это ни стоило.

Александр посмотрел на нас, затем на пару секунд задержал взгляд на животных вдали, как бы оценивая риски, сделал глубокий вдох, выдох и едва заметным отточенным движением переложил посох в правую руку.

Что двигало ими в этот момент? Какая правда, какой закон велели им вопреки всякому здравому смыслу защищать птицу со сломанным крылом, по собственной глупости попавшую в беду и имеющую не слишком большой шанс выжить даже в случае успеха нашей спасательной операции? На кону стояли их жизни, жизни, от которых зависело благосостояние, счастье сотен, а в будущем и тысяч людей. Они, как ядерный реактор, давали энергию множеству процессов, благодаря которым существовало то, во что я поверила однажды и в чем с тех пор ни на секунду не сомневалась. Они рисковали всем и, руководствуясь какой-то внутренней иррациональной логикой, видели в этом для себя единственно возможный путь. Не тратя больше времени на раздумья, они твердым шагом двинулись к месту действия, я поспешила следом.

Это внезапное вмешательство заставило собак на время забыть о своем намерении расправиться с птицей. Увидев палки в руках моих друзей и, видимо, оценив серьезность наших намерений, они попятились назад и выжидающе за-

мерли в десяти шагах от нас.

Орленок поднял голову, как бы недоумевая, почему он до сих пор жив, заметил нас и настороженно нахохлился. Я стала подходить ближе. Шаг за шагом я медленно сокращала дистанцию между нами, соизмеряя реакцию птицы с каждым своим действием. Птица склонила голову набок и внимательно следила за моими телодвижениями своими широко открытыми черными с желтой каемочкой глазами-бусинками. Когда я приблизилась к птенцу на расстояние вытянутой руки, он понял, что пришло время выбирать наименьшее из двух зол. Сначала он смерил испуганным взглядом меня, а затем обернулся на тех, от которых еще недавно готовился принять неминуемую гибель. Такое действие он проделал еще дважды, в панике вращая головой и не понимая, кто же в итоге представляет для него бóльшую опасность. Судя по всему, в его глазах мы никак не походили на спасителей. Не сумев побороть в себе страх неизвестности, орленок поднялся на лапки и попятился назад – ровно в том направлении, где стояли собаки.

Между ними и птенцом торчало небольшое сухое дерево. Немного не доходя до него, орленок остановился, видимо, ощутив себя в относительной безопасности в таком соседстве, а затем, неожиданно обнаружив свой путь спасения, собрал последние силы и, к всеобщей нашей радости, с третьей попытки взлетел на сухую ветку.

Миссия выполнена. Орленок в безопасности, чего однако

нельзя было сказать про нас.

Боковым зрением я заметила, как там, где на наших глазах собаки еще недавно разделались с целой коровой, несколько животных отделились от стаи и теперь легкой рысцой двигались в нашу сторону. Объединившись со своими сородичами, они образовали широкий полукруг и, уже уверенные в своем превосходстве, прерывисто рычали, заявляя о готовности напасть.

Мы стояли посреди пустыни, окруженные стаей диких собак, полностью отдавая себе отчет в том, что на этой стороне Ганга в это время помощи ждать было неоткуда. Всепоглощающий страх сковал меня по рукам и ногам и лишил возможности мыслить, не считаясь с его властью. Все варианты сценариев, кинолентой мелькавшие у меня в голове, сводились к неминуемому трагическому финалу. Страх, подобно большому водовороту, затягивал меня в эпицентр этого стихийного бедствия, его влияние нарастало с каждой секундой, и плыть против течения не представлялось возможным.

– Ты проигрываешь ровно в тот момент, когда даешь страху взять над собой верх, – негромко произнес Сергей. Он стоял совсем рядом, но его голос звучал словно из-под толщи воды.

– Посмотри на них, – он указал на окруживших нас разъяренных животных, – это всего лишь испытание, они и есть твой страх, уплотнившийся до материи.

Он дал мне пару секунд осознать его мысль, а затем про-

должил:

– Ну и скажи теперь, кто здесь, – он легонько постучал пальцем по моей голове, – принимает решения, м? Ты или выброс адреналина в твоей крови?

Я собрала волю в кулак и представила, как водоворот, утягивающий меня в пучину страха, превратился в маленькую воронку в ванной нашей старой квартиры, которая в детстве завораживала меня своей способностью появляться из ниоткуда и уходить в никуда и в то же время внушала мне какой-то суеверный страх…

Собаки все еще медлили, несмотря на свой значительный численный перевес. Что-то останавливало их и вселяло неуверенность в том, что они одержат верх в этой схватке. Напряжение нарастало. Казалось, воздух вокруг наполнился электричеством, создавая магнитное поле, в котором происходило столкновение нашего неповиновения воле случая и желания этого случая испытать нас на прочность.

Вдали раздался вой. Окружившие нас собаки обернулись на звук, замешкались на мгновение и после недолгих раздумий, повинуясь зову вожака, убежали прочь.

Глава 2. Фестиваль

Город Москва, 2023 год

Победоносным финальным аккордом симфонии прозвучал щелчок этой клавиши на моем ноутбуке. В глубине принтера раздалось напряженное жужжание, как будто сама работа стоила ему больших усилий, и после недолгих раздумий он родил пачку листов, сплошь покрытых мелким печатным текстом.

Я схватила листы и, убирая на ходу ноутбук в рюкзак, выскочила из стеклянных дверей закутка, где располагалось нечто вроде нашего импровизированного офиса – единственного места, где еще хоть что-то можно было понять и найти в царящей суматохе подготовки грядущего мероприятия.

Длинный широкий коридор, куда выходила дверь, сплошь состоял из небольших комнат наподобие той, где стоял принтер. Стены коридора были сделаны из толстого матового стекла, в которое тонкими черными линиями встраивались прямоугольники дверей с гладкими стальными ручками. Через стеклянную стену по правую руку от меня проходили теплые лучи закатного солнца, равномерно и мягко освещая коридор.

Я шла между дверями под мерный стук каблуков моих

туфель о зеркальный каменный пол, пока не поравнялась с нужной мне дверью справа. Легко нажав на ручку, я на секунду остановилась, но дверь предательски щелкнула и выдала мое присутствие.

– Заходи, – раздался голос из-за двери.

Перешагнув порог, я невольно зажмурилась – комната была залита светом, проникающим внутрь через огромное панорамное окно напротив двери. Стол с массивной столешницей из темного дерева на тонких черных металлических ножках начинал и завершал собой все интерьерное наполнение комнаты. Опершись на стол, лицом к окну и спиной ко мне стоял человек. На момент, когда я вошла, он был занят телефонным разговором. Мне стало неловко отрывать его от дел, и, подождав несколько секунд, я решила, что отложу свой вопрос на потом. Однако стоило мне утвердиться в своем решении и сделать маленький шаг назад, он обернулся и коротким жестом указал мне стоять на месте. Это был Сергей.

– Да-да, мы исходим из расчета минимум на семь тысяч человек, потому что более десяти тысяч билетов уже продано, а до фестиваля еще два дня. А за два дня, сам понимаешь…

Сергей говорил по телефону и параллельно вел бессловесный диалог со мной.

– Это то, что я думаю? – беззвучно спросил он, указывая кивком головы на машинально свернутые в трубочку и уже

изрядно помятые листы у меня в руках.

– Ну если б это было не оно, я б тебя в такой момент не дергала, но ты сам просил, – так же беззвучно пожала плечами я.

– Ну так показывай!

Против солнца я видела только его силуэт и не могла разглядеть выражения лица, однако это нисколько не мешало нашей коммуникации.

– Разумеется, Машу я готов лично встретить на площадке перед началом, ведь в какой-то степени именно ей мы обязаны тем, что все сейчас происходит в том виде, в котором мы себе представляли, – Сергей все еще вел диалог с человеком в телефоне, дал своему собеседнику высказаться и после паузы продолжил: – Разумеется, эти расходы мы возместим, мне казалось, я сразу обозначил им свою позицию по этому вопросу…

Сергей подошел ко мне, взял у меня из рук листы бумаги и погрузился в чтение, шагами меряя комнату и время от времени отвечая своему собеседнику.

– Нет, еще не прилетел, сейчас он в Эмиратах, вечером отыгрывает последний концерт, завтра будет у нас, не переживай, у него точно будет достаточно времени прийти в себя после перелета, к фестивалю будет в форме, мы позаботимся, чтобы у него были для этого все условия…

Медленно курсируя по комнате, он задумчиво перебирал листы в руках, порой возвращаясь к каким-то частям текста

по несколько раз. Затем, как бы удивившись тому, что у этого объекта есть доселе не использованная функция, он приложил титульный лист к столу, сложил из него самолетик и запустил в мою сторону. Я поймала.

– Спасибо тебе, после разговора с тобой я всегда чувствую себя лучше, очень заряжаешь, ждем тебя завтра на площадке, есть еще много вопросов, которые я хотел бы обсудить лично, не по телефону… До встречи!

Сергей убрал телефон в карман, с минуту в тишине смотрел на текст, потом перевел взгляд на меня и внимательно прищурился, будто просчитывая наш диалог наперед, как опытный игрок просчитывает ходы в шахматной партии.

– Радочка, – начал он и протянул мне листы, – понимаешь, мы не можем такое напечатать. Текст замечательно написан, вопросов нет, но ты представляешь, какое впечатление складывается у человека, который это прочтет?

– Я написала как чувствую, немного в образной форме, чтобы лучше передать ощущение момента, у нас не примитивная аудитория, тут же очевидно, что не надо воспринимать написанное дословно!

– Мы не можем рисковать нашей репутацией, это вопрос позиционирования целого проекта, в работу которого вовлечено огромное количество людей. Это, в конце концов, небезопасно! Взять хотя бы вот этот момент, когда ты падаешь в обморок, а пруд в это время куда-то девается, как это интерпретировать, мне же первому будут вопросы зада-

вать… Надо ли так нагнетать обстановку? Лодочник такой у тебя получился, как будто он нас не на другую сторону реки перевозит, а в загробный мир телепортирует, трехголового пса только не хватает, который охраняет вход в царство мертвых, чтоб оттуда никто не смог выйти обратно. Ну и меня ты там описала, – он замялся, посмотрел куда-то в сторону и усмехнулся, – ладно, пусть будет героический образ. И еще, Рада, следи за тем, чтобы восприятие тебя как автора было адекватным, а то сейчас такое ощущение, что у тебя приход случился, и, надо сказать, не раз, так себе с точки зрения позиционирования, тебе могут перестать доверять после таких откровений, сочтут «странненькой». Может, вообще уберем всю эту эзотерику? Мы же ориентируемся на людей, существующих в рамках социума, давай не будем их смущать.

Сергей достал телефон, нажал кнопку разблокировки, увидел время на экране и удивленно приподнял брови:

– Так, кажется, придется отложить наш разговор, как ты любишь, на потом, сейчас мне нужно быть на сцене, у нас генеральный прогон со светом, звуком, часть хедлайнеров уже здесь, если хочешь, приходи через какое-то время, познакомлю.

С этими словами он в два счета пересек комнату и скрылся за дверью, оставив меня наедине с моим текстом и горой неоправданных ожиданий, в которой в пору было вырыть окоп и вести из него боевые действия.

– Ничего, – сказала я себе, – я его уговорю, ведь если я там была и чувствовала так, как написала, значит это моя правда, куда ж мне ее девать? Мне не поверят, если я буду ориентироваться на какого-то мифического усредненного человека с его среднестатистическим восприятием мира, потому что его просто нет! Ни один человек не скажет про себя, что он среднестатистический, это же абсурд! Вот человек смотрит тебе в глаза и говорит спокойным таким голосом, да-да, я типичный представитель вашей целевой аудитории, могу рассказать про свои потребности, тьфу, бред, мне надоело общаться с безликими людьми, на которых будто наклеены бирки с логотипами компаний, чью продукцию они используют. Можно подумать, самоидентификация личности человека только тем и определяется, что уникальностью комбинации этого хит-парада: Nike, Apple, Тинькофф, Volkswagen, Uniqlo, ВкусВилл и иже с ними…

Завершив этот внутренний монолог, я вышла в коридор.

Надо сказать, впоследствии у нас с Сергеем был очень долгий разговор, и не один, но, в конце концов, мне удалось упросить его оставить первую главу в ее изначальном виде, за что, правда, пришлось дать обещание впредь сдерживать свои творческие порывы.

Ситуация с трафиком движения в коридоре за последние десять минут сильно изменилась, теперь здесь толпилось человек десять в рабочих комбинезонах, они пытались развернуть длинный стол, не вписывающийся в пространство ко-

ридора по ширине.

– Ну я же сказала, что мы решили не ставить столы в этой зоне, давайте, несите их обратно. Ой, не могу, каждый раз как в первый раз, а до фестиваля осталось два дня… слава богу, не считая сегодняшнего.

В узком пространстве коридора суетилась и с энтузиазмом рулила процессом плотная брюнетка с веснушками на носу. Ее звали Катя, она была нашим концертным директором, отвечала за все и сразу, отчего часто обнаруживала что-то, что ускользало от ее внимания, и очень сокрушалась по этому поводу. Завидев меня, она устало улыбнулась:

– Радочка, я тебя очень прошу, хотя бы в книге, – тут она повысила голос и покосилась на рабочих, которые, кажется, опять понесли многострадальные столы не туда, – хотя бы в книге пусть столы на правильном месте стоят, – закончила она, воздев руки к потолку.

Происходящее вокруг напоминало муравейник. Первое впечатление – броуновское движение предметов и людей в пространстве, от которого голова шла кругом, но стоило погрузиться в процесс, как ты начинал чувствовать, что траектория каждого человека имеет под собой логически обоснованную мысль. А если пробыть в этом пространстве еще немного, приходило ощущение, что все эти нити соединены между собой, вытекают одна из другой и в итоге представляют собой неразрывную сеть причинно-следственных связей, как процессы внутри одного живого организма.

Я плыла по течению коридора, фланируя между потоками людей, цепляясь за них взглядами или перебрасываясь несколькими фразами, не выражающими абсолютно ничего и в то же время очень многое – за ними читалось понимание цели, идеи, зачем мы все это делаем, и желание увидеть это понимание, как в зеркале, в другом человеке. Когда это понимание обнаруживалось на привычном месте, человек успокаивался и возвращался к своим делам.

– Ну что, как оно? – окликнул меня мужчина средних лет, невысокого роста, с добродушным взглядом и какой-то уютной мягкостью в движениях. Все его звали не иначе как дядя Валера. Без него не обходилось ни одно наше мероприятие, но нельзя было точно определить, как именно участвовал – он любил помогать и делал это со всей отдачей, на которую был способен.

– Да вот, – я показала свернутые в трубочку листы, – дописала кусочек.

– Ну-ну, – ободряюще кивнул тот и продолжил движение по траектории.

Я вышла в обширный светлый холл. Его контур и в целом дизайн помещения был построен на обтекаемых линиях неправильной формы, панорамные окна, больше не ограниченные пространством маленьких комнат, занимали теперь всю стену по правую руку от меня, уходившую далеко ввысь и под наклоном сужающуюся к потолку. При входе в это пространство, несмотря на современный интерьер, невольно

возникала ассоциация с католическим собором.

Холл еще не был обустроен под предстоящее мероприятие и потому из-за своих гигантских размеров напоминал белую пустыню. В этой пустыне, однако, были оазисы жизни: вот группа людей вешает на стену рекламный баннер с логотипами спонсоров, вот несколько человек распаковывают коробки с фирменной продукцией для магазина, немного поодаль снимают интервью для телевидения.

Александр держал в руках микрофон и под прицелом огромной камеры и цепких глаз журналистки в красных лакированных туфлях и с лакированными губами такого же цвета мужественно отражал удары сыплющихся на него вопросов. На нем был выглаженный темный пиджак из плотной серой ткани, застегнутый на одну пуговицу, из-под которого виднелась безупречно белая рубашка.

– Александр, вот скажите, для вас лично этот проект – это все-таки больше бизнес или дело для души?

– А вы считаете, бизнес не может быть делом для души?

– Ну все-таки в обществе это часто разделяют, – заулыбалась журналистка, посылая сияние своих белоснежных зубов в камеру на радость телезрителям.

– Понимаете, я же не могу разделить себя в течение дня на разные личности… Как вы себе это представляете, вот утром я человек, который пьет пуэр, принимает контрастный душ, чтобы встретить наступающий день бодрым, а потом, когда я открываю Телеграм для решения рабочих во-

просов, это вдруг уже не я, а некий бизнесмен, который по какой-то непонятной причине проживает за меня мою жизнь.

– Ну вы же зарабатываете этим деньги, – не унималась журналистка, – а отношения, в которых есть место финансовым вопросам, все-таки строятся определенным образом, разве не так?

– На мой взгляд, если я знаю, что могу построить какие-то позитивные для меня взаимоотношения с человеком только потому, что эти взаимоотношения не лежат в сфере финансов, я бы в них засомневался. Как сказал один умный человек, никогда не работай с теми, кого не хочешь обнять. Деньги – это энергия, выраженная в материальной форме, сама по себе она безликая, это мы навешиваем на нее разные концепции: большие деньги портят человека, если я за что-то плачу, значит, этот процесс автоматически превращается только в финансовую сделку и ничего более, это все концепции, к которым мне не хотелось бы быть причастным. Мне ближе идея о том, что деньги – это своего рода увеличительное стекло, и если навести эту линзу на человека с хорошими намерениями, то все вокруг только счастливы будут.

Журналистка снова заулыбалась, давая себе тем самым время подумать, как бы ответить на такую тираду, однако Александр сменил тактику защиты тактикой наступления.

– А вы сами любите свою работу? Что бы вы делали в мире без денег?

Девушка посмотрела в пол, уголки ее губ дернулись, она с силой сжала микрофон тонкими бледными пальчиками, как будто он придавал ей уверенности, бросила короткий взгляд на оператора, и тот, однозначно интерпретировав ее желание, опустил камеру.

– Наверное, если бы не было денег, не было бы и телевидения.

Она выдавила из себя какую-то скомканную, как неудавшийся блин, благодарность и, погрузившись в свои мысли, направилась к выходу, пару раз споткнувшись с риском упасть с высоты своих красных лакированных туфель, чем ужасно нервировала оператора, который каждый раз готовился ловить ее тело в свободном падении.

Александр долго задумчиво смотрел ей вслед.

– Надо было на фестиваль ее позвать, эх, – с горечью произнес он, когда я подошла ближе.

– Да она сама придет, вот увидишь, все приходят, рано или поздно.

Александр согласился. В это время за стеной рядом с нами послышались голоса, шум передвигаемых по полу предметов, а затем звук поворота ключа в замке. Я оглянулась – в стене оказалась неприметная до этого дверь из двух створок, о существовании которой можно было догадаться только по тонкому вдавленному контуру на белой плоскости. Дверь была метра три высотой и семь шириной, так как, видимо, предназначалась для ввоза декораций или мебе-

ли. Наконец она поддалась, створки с шумом распахнулись, и в холл хлынула толпа людей, которая тут же распределилась по пространству, моментально оживив своим присутствием это белое пустынное безмолвие. Большинство из них составляли девушки в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, многие несли за спиной объемные круглые черные чехлы с лямками наподобие рюкзака.

Рядом со мной проплыл тучный мужчина с черным лакированным кейсом, в котором, судя по его размеру, не уступающему габаритам несшего его человека, хранилась виолончель. Я вычленила из общей массы несколько гитар, где-то мелькнула скрипка. Что касается остальных, то у них в руках были самые разнообразные предметы: свернутые листы бумаги, стойки для микрофонов, рулон черной ткани, фотоаппарат, планшет, горшок с неизвестным мне тропическим растением, кипы одежды на вешалках, африканские барабаны, коробки с едой, упакованной а-ля take away, мотки проводов и маленький мопс, который громким фырканьем время от времени напоминал всем присутствующим о своем существовании.

По стилю одежды наблюдалась некая общая тенденция, не исключавшая, однако, вариативности: большая часть людей была одета в черно-белой гамме в модели с ассиметричными силуэтами временами с уходом в этнику и бохо, на удивление органично сочетающиеся друг с другом.

С некоторой периодичностью из разных частей холла

до меня долетали обрывки фраз, которые разносились эхом по всему пространству и тем самым равнялись между собой по громкости, так что невольно воспринимались разумом как части единого диалога.

– Я пошла за сцену, надо попробовать выставить все так, как будет на фестивале, не представляю, как снимать звук на такой большой зал, поговорю со звукорежиссером на этот счет…

– Приехала команда, которая будет снимать концерт на видео, я их за сцену послала, в девятнадцать тридцать будет первый саундчек, они могут попробовать поснимать…

– Кто нес виолончель Веры? Она не может найти свой инструмент, а это, между прочим, девятнадцатого века виолончель…

– Какая-то виолончель здесь за колонной стоит, уж не знаю, какого века…

– Моя! – через весь холл быстрыми шагами шла счастливая обладательница старинного инструмента. Помимо виолончели у Веры было еще двое детей, одного она держала на руках, другой, постарше, шел за ней. Кажется, они были не в восторге от того, что в этот момент их маму больше занимала мысль о виолончели, чем о них.

– Друзья, я верю в вас! Надеюсь, моя вера придаст вам сил, – девочка в черных брюках и белой рубашке с прямыми светлыми волосами до плеч бодро руководила пятью мужчинами, которые перетаскивали круглые черные чехлы,

временно сложенные в одну кучу посреди холла, в залитый солнцем коридор со стенками из матового стекла. На вид девочке было лет семнадцать, что решительно входило в диссонанс с тем, насколько уверенно и спокойно она говорила с людьми, которые были старше ее минимум в два раза.

– Куда девать Эдисона? – девушка, которая несла мопса на руках, озиралась по сторонам в поисках человека, готового принять эстафету по присмотру за животным. – Мне нужно встретить курьера на входе, если никто не возьмет, я его курьеру и сдам.

– Давай я возьму, человек собаке друг, – поспешно отозвалась я, опасаясь за судьбу ничего не подозревающего, звучно сопящего Эдисона.

Девушка с радостью сдала мне мопса и, освобожденная, убежала по делам.

В холле было несколько дверей, ведущих в концертный зал, с Эдисоном под мышкой я вошла в дверь с надписью «партер» и оказалась прямо перед сценой.

Это был один из самых больших концертных залов, в которых мне доводилось побывать. Внутренняя отделка его была выполнена из тонких пластов дерева, при соединении образующих на внешних частях интерьера паттерн из перемежающихся узких темных и светлых полос охристых оттенков. Поддерживая мягкую пластику белого холла, по боковым сторонам помещения волнами ложились округлые горизонтальные линии балконов в три этажа. Передо мной рас-

полагались ряды огненно-рыжих бархатных кресел, спускавшихся под небольшим наклоном к сцене и ярким пятном разбавлявших спокойную земляную гамму интерьера. Высоко над креслами в потолке было большое круглое отверстие, перекрытое матовым стеклом и тонкими деревянными пластинами. За счет такой конструкции солнечные лучи, проходя сквозь нее, претерпевали некую трансформацию и проникали внутрь мягким рассеянным светом, как на картинах мастеров эпохи ренессанса.

Перед сценой, помимо меня, стояли еще несколько человек и сосредоточенно обсуждали какие-то технические моменты, то и дело щурясь на софиты и указывая рукой на черные гроздья свисавших с потолка усилителей звука.

В центре сцены стоял Сергей. Вынужденная задержка тяготила его, и, видимо, в попытках принять сложившуюся ситуацию, он крутил в руках то перед собой, то за спиной длинный кусок тонкой пластиковой трубки, время от времени подкидывая ее в воздух. Увидев хозяина, до сих пор абсолютно равнодушный к происходящему Эдисон стал сопеть интенсивнее и от переполнявшей его радости задергал лапками в воздухе, так что держать его на руках больше не было решительно никакой возможности: я поставила его на край сцены, и он со скоростью, сильно превышающей ту, на которую природой была рассчитана длина его лап, засеменил к объекту своего обожания. Надо сказать, в мире Эдисона не было другого бога, кроме Сергея, однако по причине за-

нятости и постоянных разъездов своего хозяина Эдисон, как олимпийский факел, перманентно переходил из рук в руки всех членов команды проекта и смиренно сносил свою судьбу ради таких мимолетных встреч, как эта.

Сергей потрепал своего любимца за ухом и с надеждой посмотрел на группу людей перед сценой. В этот момент, придя к всеобщему согласию и утвердившись в правильности принятого решения, один из них дал отмашку, и долгожданный луч мощного прожектора белым пятном высветил место, где стоял Сергей с прижавшимся к его ногам Эдисоном.

– Нам нужно, чтоб вы что-то говорили, в процессе мы отрегулируем звук, – прозвучал глухой голос звукорежиссера с высоты рубки, располагавшейся над последним балконом напротив сцены, – что угодно, например, вашу вступительную речь.

– Раз-раз, – Сергей проверил работоспособность микрофона, слегка откашлялся и начал: – Наш проект называется Анимара…

Глава 3. Кролик в Праге

Я проснулась от того, что жаркие лучи полуденного августовского солнца, проникнув внутрь моей комнаты через высокое деревянное окно, переместились мне на лицо, как бы напоминая, что день уже давно начался, а в моей жизни еще ничего не случилось. Я с досадой вспомнила, что забыла вечером задвинуть шторы, и зарылась поглубже в одеяло – какое солнцу до меня дело, не все ли ему равно, пусть идет к другим – тысячам таких же, как я, людей, которые не могут найти себе занятие, стоящее подвига раннего утреннего подъема.

Так размышляла я теплым августовским днем в маленькой комнате под самой крышей старого особняка, располагавшегося в исторической части Праги.

Чуть больше месяца назад я защитила диплом на факультете медиа и коммуникаций, который, как мне казалось, должен был стать началом новой жизни – жизни, в которой я сама выбираю, где мне быть и чем заниматься. По мере приближения к черте окончания учебы у меня появлялось все больше и больше желаний, идей, планов о том, что я буду делать в этом заветном «после», однако когда это «после» неожиданно обрушилось мне на голову, я с удивлением обнаружила, что в том уголке моего сознания, где я хранила свои желания, куда я приходила изо дня в день любоваться

своими сокровищами, периодически пополняя эту коллекцию новыми находками, вместо переливающихся страз лежали серые камни. Так я провела в Москве месяц – недоумевая, куда делись мои драгоценности, были ли они там вообще и какой закон физики мог объяснить явление, создававшее завораживающую игру света на поверхности простой гальки.

Одним из груды таких камней-перевертышей была поездка в Прагу. Идея оставаться третий месяц лета в Москве в любом случае казалась мне бесперспективной, поэтому в начале августа я отправилась в Чехию в надежде отыскать нечто, способное заполнить пустоту на месте выброшенных за ненадобностью камней.

Под окнами раздался грохот, а затем сменивший его звук ударов молотка по железной поверхности. Под одеялом от этого звука было не спастись. Я подошла к окну и с усилием распахнула створки. В комнату ворвался свежий воздух, а вместе с ним все звуки и запахи мерной европейской жизни: на соседней улице слышался стук колес проезжающих мимо трамваев, пахло свежей выпечкой, в кафе на противоположной стороне узкой улочки, куда выходили окна моей комнаты, тихо играла музыка. Прямо подо мной на первом этаже располагалась пекарня, в тот момент ее хозяин, грузный мужчина с пышными усами и в белом фартуке, стоял на стремянке с молотком в руке и пытался закрепить над входом в заведение увесистый чугунный крендель, с некоторой периодичностью оглашая улицу звуками ударов металла

о металл.

Я чувствовала, как этот звук с каждым ударом отчеканивал во мне желание бежать вон из дома – затеряться в улицах этого города, спрятаться в углу кафе – куда угодно, лишь бы остаться наедине со своим внутренним течением чувств, прожить их сполна, пускай даже и в окружении людей, которые также заняты проживанием собственного калейдоскопа состояний, сменяющих друг друга цветными стеклышками.

Я надела на себя первое, что попалось под руку, и с сожалением покинула свое пристанище.

Мой любимый способ исследовать новый город – фланировать. Такой вид передвижения имеет схожую природу с ходом наших мыслей: в голове идет непрерывный ассоциативный ряд, и каждая последующая мысль вытекает из предыдущей, основываясь на механизмах, образованных сложными конструктами нашего опыта, в процессе приобретая этот опыт и усложняя этот конструкт.

Я вышла на улицу. По левую руку от меня улочка шла прямо и вливалась в широкий проспект с оживленным движением и снующими туда-сюда толпами туристов, справа она сужалась и заманчиво заворачивала куда-то в сторону. Туда я и отправилась. По бокам теснились пастельные домики с оранжевой черепицей, люди сидели за столиками возле кафе, ведя неторопливые разговоры за чашкой кофе с теми, кому они решили отдать бесценные минуты солнечного выходного дня.

Тут же плотными рядами стояли сувенирные лавки со стандартным набором футболок и магнитиков, исписанных признаниями в любви Праге, Чехии, маме с папой и Бобу Марли. В одной из них этот набор довершала стойка с эпатажными маленькими сумочками в виде кроликов, сделанных из искусственного белого меха.

Заметив то, что я задержала взгляд на сумочках, и не считав моего чисто культурологического к ним интереса, продавщица взяла белого кролика за болтающиеся уши и демонстративно покрутила им перед собой. К одному из ушей кролика крепилась бирка с нарисованной на ней маркером цифрой три.

Я сдержанно улыбнулась продавщице, поощрив тем самым ее старания, и продолжила свой путь. Улица, выложенная неровной брусчаткой, по окружности загибалась направо и в конце концов уперлась в большой каменный дом, облагороженный зеленой изгородью из декоративного кустарника. На ветке одного из них развевались на ветру три белых ленточки, оставленных здесь романтически настроенными туристами, страстно желавшими когда-нибудь вновь посетить этот город. Невольно вспомнив бирку на ухе кролика, я подошла ближе и раздвинула руками ветки – за изгородью оказалась неприметная для постороннего наблюдателя узкая лестница, ведущая под дом. Я пролезла сквозь плотную стену кустарника и спустилась вниз. После жаркой улицы на меня пахнуло подвальным холодом, привыкшие к яркому дневно-

му освещению глаза первое время не видели ничего, кроме света в конце коридора – проход выходил на улицу. Этот коридор использовался дворниками для хранения всяческой хозяйственной утвари для уборки улицы – метел, ведер, садовых инструментов. Стены кое-где были исписаны граффити. Я прошла всю длину коридора и вылезла с противоположного конца.

Лицевая сторона здания располагалась на углу оживленной улицы, выходящей на большую дворцовую площадь. По обеим сторонам тянулись, сменяя друг друга, зеркальные витрины, в одной из них, в окнах антикварного магазина, имевшего то же название, что и площадь, отчетливо вырисовывалось мое отражение: темно-русые с рыжеватым оттенком непослушные волосы до пояса, белая рубашка, свободные темно-зеленые штаны. Для моих двадцати четырех лет у меня была, как мне казалось, довольно подросткового склада фигура, и я изрядно сутулилась. Заметив это и сейчас, я выпрямилась и для пущего эффекта подняла голову. Мой взгляд упал на балкон, нависавший над козырьком антикварного магазина, – на балконе жевал капусту и наслаждался временно предоставленной ему свободой белый кролик…

Расстилавшаяся передо мной площадь, в честь которой назвали магазин для любителей атмосферной старины, была одной из самых старых и любимых туристами площадей Праги. Люди здесь неспешно прогуливались, то и дело по-

казывая друг другу какую-нибудь примечательную особенность окружающей городской архитектуры, фотографировались или сидели прямо на нагретой солнцем брусчатке, наслаждаясь заслуженным бездельем выходного дня.

Я помню каждую деталь этой картины. Помню, как девушка в легком голубом платье пускала мыльные пузыри и они разлетались по всей площади – все окружающие, улыбаясь, тянули к ним руки. Помню, как старушка в широкополой фетровой шляпе с ожерельем из крупного жемчуга, сидя на ступеньках памятника посреди площади, отщипывала морщинистыми руками от буханки хлеба кусочки и бросала их слетавшимся к ее ногам голубям.

Я помню все, потому что это был момент, когда я впервые услышала этот звук. Казалось, он давал голос вещам, которые его не имеют – так звучали радужные переливы на поверхности мыльных пузырей, взмахи крыльев голубей, тепло каменной брусчатки. Этот звук был чем-то изначальным, древним, нанизывающим на себя, как на нитку, жемчужины – явления, предметы, людей, события, и в то же время отражающим настоящее – правду момента, раскрывая ее из самой глубины.

Я стояла в оцепенении несколько секунд, силясь понять, кажется ли мне все это или этот звук действительно существует в реалиях этого города, этого пространства, этого времени, где я находилась. Наконец, определив, с какой стороны находится его источник, я двинулась туда.

На противоположной стороне площади сидела девушка. Ее пепельно-белые волосы чуть колыхались на ветру, тонкие пряди падали на светлую кожу лица, подчеркивая изящные скулы и слегка заостренный подбородок. Она напоминала мне искусное старинное изделие из китайского фарфора, которое боишься брать в руки, потому что толщина материала настолько ничтожна, что одним неловким движением можно разрушить усилия многих месяцев работы великих мастеров. На коленях девушка держала круглый металлический предмет, представляющий из себя две соединенные выгнутые полусферы с вдавленными в поверхность овальными плоскостями. Он и был источником магического звучания. Хрупкие пальцы девушки быстро перемещались по поверхности инструмента, едва касаясь металла. Из-под них лилась мелодия, певучая, воздушная, обволакивающая все вокруг какой-то невыразимой нежностью, но в то же время в ней чувствовалась и невероятная сила, способная снести все преграды на своем пути. Казалось удивительным, как такая сила может быть заключена в теле этой хрупкой девушки.

Ее лицо было абсолютно спокойно – создание окружающей ее магии не составляло ей никакого труда и, напротив, казалось совершенно естественным, будничным для нее процессом. Ее не волновало то, какой эффект она производит на окружающих, это было просто формой ее существования, ее правдой, она не могла по-другому.

Я стояла перед ней, ошеломленная, растерянная. У этой

музыки каким-то образом оказались ключи к самым дальним закоулкам моей души, ключи, которые я сама давно потеряла и уже отчаялась их найти…

Мелодия постепенно сходила на нет. Девушка завершила свои магические превращения, подняла на меня голову и улыбнулась – у нее были прозрачные светло-голубые глаза.

Я подумала, что, возможно, была весьма бесцеремонна в своем нескрываемом интересе и к ее инструменту, и к ней самой, но, судя по приветливой улыбке, девушку это нисколько не смутило. Я осмелела и решилась вступить с ней в диалог:

– I'm sorry, your music is something… I can't explain… It is just like…[2]

Каждый раз, когда я переживала сильные эмоции, мой словарный запас английского неукоснительно стремился к нулю, хотя в обычном состоянии я изъяснялась на нем абсолютно свободно.

– My name is Anastasiya, I am from Russia, – к моей великой радости, голубоглазое ангелоподобное создание оказалось русскоговорящим. Я звучно выдохнула.

– Меня зовут Рада, – тут я поняла, что проблема не в языке, а в том, что мои ощущения в этот момент совершенно не конвертируются в слова, – Настя, этот инструмент и твоя музыка – они как будто нездешние… И, знаешь, прозвучит

---

[2] Прошу прощения, ваша музыка – это нечто… не могу объяснить… это как… (англ.)

странно, но, кажется, меня к тебе привел белый кролик, как Алису у Льюиса Кэрролла, в детстве это была моя любимая сказка, и, задувая свечки в свой день рождения, я всегда загадывала попасть в кроличью нору. А сегодня он привел меня к тебе, понимаешь, это не может быть просто так.

Это прозвучало действительно странно, и я тут же пожалела, что поделилась такой неоднозначно трактуемой информацией с человеком, которого видела в первый раз.

На удивление на лице моей новой знакомой не отобразилось ни капли замешательства или недоверия. Напротив, мое сбивчивое высказывание вызвало в ней живой интерес.

– Ну, конечно, не просто так! Если бы мир был полон случайностей, какой в нем был бы смысл.

Меня поразила степень мгновенного принятия и понимания моего хода мыслей. Возникло чувство, что мы были на середине долгого увлекательного разговора и знали друг друга очень давно, но этот кинофильм стоял на паузе все двадцать четыре года моей жизни, и только сейчас хватило трафика догрузить картинку до конца, чтобы она пришла в движение. Также меня не покидало ощущение того, что Настя играет в этом фильме далеко не последнюю роль.

– Что это за инструмент? – спросила я.

– Это ханг. Инструмент для интуитивной игры, импровизации. Делается вручную из куска стали, швейцарцы придумали, а мы у них взяли технологию и развиваем. Вот этот инструмент сделали наши мастера, один из последних, очень

долго добивались такого звучания. Нравится?

Потерявшись в выборе подходящего ответа, я развела руками – он не мог не нравиться.

Мое внимание привлек серебряный кулон, висевший у Насти на шее. Он представлял из себя треугольник, вписанный в две окружности. Внутри треугольника были еще какие-то символы, в том числе знак бесконечности и круглый камень посередине, на свету обнаруживающий в себе темно-синие и зеленоватые светящиеся прожилки. Во время разговора Настя машинально крутила его между пальцев и водила туда-сюда по цепочке, на которой он висел. Такой же знак был выгравирован на ханге и вышит серебряной нитью на круглом черном чехле, лежащем рядом.

– Ты сказала «мы». А кто это «мы»?

– Я часть большого проекта под названием Анимара. У нас есть школа, где мы учим людей играть на хангах, учим музыке, импровизации, самовыражению с помощью этого инструмента. Я один из преподавателей. А вообще нас много и у каждого свои задачи в проекте. Я привыкла говорить «мы», потому что неразрывно связана со всеми людьми из проекта, они часть меня… Иногда мне кажется, что у нас на всех одна большая душа, которой было бы тесно в одном теле, вот она и разделилась, а потом развлекается тем, что ищет кусочки себя по всему миру и выстраивает с ними какие-то взаимоотношения, учится у самой себя, растет, развивается. Забавно, правда? Кто знает, может, и ты такая же

потерявшаяся частичка этой души.

Я не знала, была ли я вновь обретенной пропажей этой большой души, о которой говорила Настя, или нет, но в тот момент мне до боли захотелось ею стать. Мне тоже хотелось причислять себя к необъятному «мы», искать и находить в других частичку себя через эту неземную музыку и, в конце концов, найтись самой. Да, мне уже давно хотелось найтись.

– Можно я попробую извлечь звук? – с надеждой спросила я.

Настя охотно уступила мне стульчик, на котором сидела, и положила инструмент мне на колени. Он оказался довольно тяжелым, по ощущениям килограмм шесть или семь. Я ударила рукой по одной из плоскостей, но, к моему огромному разочарованию, вместо чарующей вибрации последовал лишь короткий невнятный звук. Я попробовала еще раз – инструмент выдавал неизменно глухой звук и, наверное, втайне желал вернуться к своей хозяйке, которая обращалась с ним куда более умело. Я приподнялась со стула и, пробормотав что-то извинительное, протянула инструмент Насте.

Однако та, не оставив мне времени на возражения, усадила меня обратно и своими воздушными миниатюрными ручками показала, как надо.

Больше всего в тот момент я боялась, что у меня не получится. Мне с детства говорили, что музыкальными способностями я не блещу и не стоит тратить на это усилия ро-

дителей. Сколько себя помню, я всегда восхищалась миром музыки, но для меня это здание, казалось, было без дверей, и я не знала, как в него войти. Сидя на маленьком складном стульчике с хангом на коленях, я на секунду подумала, что наконец-то нашла дверь. Теперь моим страхом было то, что у меня не хватит сил ее открыть.

Настя ободряюще кивнула и еще раз показала в воздухе легкое волнообразное движение, обещавшее в качестве результата волшебное звучание.

Я примерилась и ударила в центральную ноту – раздался низкий вибрирующий звук, который открыл заветную дверь. Теперь я поверила. Я тоже была потерянным кусочком большого «мы», который вдруг увидел пустоту на картинке пазла в форме себя самого. Что было на картинке? А был август, Прага, белый кролик на балконе и летящие мыльные пузыри.

* * *

– Станция «Сокольники», – безучастно объявил женский голос по громкоговорителю эпохи моей бабушки. Поезд звучно остановился, и я вышла в холл метро, облицованный серым мрамором. Меня всецело охватывало предвкушение чего-то значимого, казалось, я вот-вот взорвусь от переполнявших меня чувств, как шар, до предела накаченный гелием. На случайные взгляды прохожих я невольно отвечала улыбкой – кто-то улыбался в ответ, а кто-то удивленно при-

поднимал брови.

Толпа людей вынесла меня из подземелья московского метро на освещенный закатными осенними лучами широкий бульвар, ведущий к главному входу в парк. Был вечер пятницы, и люди в ожидании всех радостей грядущих выходных уже замедлились до человеческой скорости передвижения и постепенно приобретали беззаботно-мечтательное выражение лица.

Парк «Сокольники» представлял из себя самый обычный источник радости для детей, способ вытрясти деньги из кошельков их родителей и неизменное место встреч влюбленных парочек. В общем и целом – замечательное место для проведения досуга в городе, особенно в хорошую погоду.

Под ногами вкусно хрустели первые опавшие листья, хотя кроны деревьев были еще зеленые и упорно не хотели признавать приход осени. Я знала этот парк очень хорошо, особенно центральную его часть, и он вызывал во мне сладкую ностальгическую грусть. Здесь проходили все мои детские праздники и семейные «выходы в свет», когда отец, наконец, находил время побыть со мной, позволял делать все, что мне вздумается, и покупал все, на что я указывала пальцем. Ну, или почти все. Это ощущение упоительной беззаботности и дистиллированного счастья так и осталось где-то среди деревьев этого парка. И даже теперь это чувство иногда напоминало о себе, когда я приходила сюда, уже будучи человеком, который сам в состоянии себе купить все, на что

хочется показывать пальцем. Ну, или почти все.

Я шла вглубь парка, оставляя за спиной знакомые места, и, наконец, достигла рубежа, за который, кажется, никогда не заходила – последняя широкая аллея с оживленным движением любителей здорового образа жизни, пенсионеров и мамочек с колясками. За ней начиналась сеть переплетающихся тропинок, уходящих в самый настоящий лес, который каким-то чудом еще отстаивал свое существование силами активистов и коллективных молитв в условиях всепоглощающей московской застройки.

Я прошла несколько раз взад и вперед вдоль аллеи в поисках нужного мне ответвления и уже была готова признать напрасность своих исканий, пока не увидела в гуще деревьев двухэтажный дом – пункт назначения моего сегодняшнего маршрута. Этот дом я никогда раньше не замечала, потому что со стороны аллеи его было практически не заметно, особенно если не знать о его существовании. Возникшее у меня в тот момент чувство, наверное, испытал бы человек, который, в очередной раз копая картошку на своем подмосковном участке шесть на шесть, вдруг нашел бы сундук с сокровищами. Забыв о том, что если существует дом, то где-то должна быть и ведущая к нему дорога, по которой ходят все уважающие себя граждане, я свернула с аллеи в кусты по направлению к дому. Надо сказать, впоследствии мне пришлось долго вынимать из волос сухие листья и ветки, которыми меня щедро одарили заросли.

Дом не представлял из себя ничего примечательного – прямоугольное строение, облицованное светлыми деревянными досками, с двумя рядами окон и плоской крышей. Пожалуй, единственное, что привлекло бы внимание случайного прохожего – это несколько круглых китайских фонариков из темно-красной рисовой бумаги, которые горели даже сейчас, хотя было еще светло.

«Огибаешь дом с левой стороны и находишь голубую дверь с кодовым замком», – проговорила я про себя голосом Насти рецепт успешного завершения моих поисков.

Голубая дверь оказалась на месте. Я достала из кармана изрядно помятый клочок бумаги, которую машинально сжимала в руке всю дорогу, чтобы не потерять, и повторила на тугих черных кнопках комбинацию цифр, написанную мелким Настиным почерком. Щелкнул магнитный замок, и, поддавшись моим усилиям, дверь услужливо открылась. Меня тут же обволокло облаком характерного запаха индийских благовоний вперемешку со звуками, которые я уже ни с чем не могла спутать. Я быстро прошла узкий коридор с чередой темно-коричневых дверей по бокам и нырнула в последнюю дверь справа – она была приоткрыта, и я знала, что мне туда.

Когда я вошла, у меня над головой тихо звякнул колокольчик. Я оказалась в прихожей: вдоль стен располагались стеллажи, сплошь уставленные обувью, справа от меня возвышался открытый шкаф с перекладиной, на которой плотной

стеной висела одежда, на верхней полке шкафа громоздились порядка двадцати компактно сложенных круглых черных чехлов.

Посреди всего этого на полу сидела гладкошерстная серая кошка и с любопытством оглядывала вновь прибывшую меня.

– Пулечка, молодец, встречаешь гостей, не зря мы тебя кормим, – раздался из комнаты, в которую плавно переходила прихожая, низкий мужской голос.

Я восприняла эту фразу как инициирование себя в статус гостя, сняла обувь и прошла дальше внутрь. Комната была небольшой, но очень уютной. Ее мебельным наполнением служили два дивана, накрытые светлыми клетчатыми пледами, с разложенными на них подушками разных форм и размеров, книжный шкаф с квадратными ячейками, в которых высились аккуратно сложенные стопки книг и бумаги, и незамысловатая, но полноценная кухня с плитой и навесными шкафчиками для посуды. Над стеклянной дверцей одного из них красовалась рукотворная надпись: «Дом как храм – помыли посуду, протерли полы, можно и не молиться». Но самое главное, то, что заставляло, наверное, всех приходивших сюда впервые людей останавливаться в изумлении на пороге комнаты, – это огромное количество круглых металлических инструментов, хангов, как тот, на котором играла девушка в Праге, занимавших всю свободную поверхность белых стен. Те, которым места на стенах не хва-

тило, лежали на диванах и даже на полу. Обнаружение этой концентрации домашнего уюта в сочетании с множеством инструментов, каждый из которых был источником неземной музыки, посреди московского парка, который, как мне казалось, я исходила вдоль и поперек, ставило в тупик все мои представления о реальности. Я не знала о ней решительно ничего.

Возле узкого кухонного столика стоял мужчина с телосложением профессионального борца дзюдо, в черных индийских шароварах, с гладко выбритой головой, орлиным носом с небольшой горбинкой и аккуратными усами, переходящими в бородку, обрамляющую нижнюю часть его лица. Склонившись над рабочей поверхностью, он был всецело поглощен производимым им действом, так что на мое появление в комнате не обратил никакого внимания. Перед ним на столе были расставлены самые разнообразные маленькие фарфоровые и глиняные чашечки, украшенные иероглифами и изображениями сакуры, в которые он наливал из миниатюрного керамического чайника беспросветно черную жидкость, похожую на смолу. В одну из чашечек попала чаинка, чем вызвала мимолетную досаду у руководителя сего процесса, однако совладав с собой и, очевидно, приняв несовершенство этого мира, он одним движением выловил злостную нарушительницу порядка из чашки, распрямился, вынужденный прервать свой ритуал, и добродушно обратился ко мне, протягивая освобожденную от чаинки порцию чая:

«Пуэрчика?» Я все еще не доверяла маслянистой темной жидкости, поэтому вежливо отказалась, но вместо чая решила представиться:

– Рада, – заметив замешательство на лице собеседника, я поспешила пояснить, – меня так зовут, а вы?

– Александр, рад знакомству, – обыграл тот свое замешательство.

Из соседней комнаты, от которой меня отделяла белая дверь, заклеенная фотографиями, все это время доносились нежные звуки ханга – кто-то задумчиво перебирал пальцами вверх и вниз по нотам, то замедляясь, то ускоряясь, будто бы проверяя границы возможного на прочность: выдержит ли мелодия себя в своей целостности и гармонии или же развалится на сотни хаотических, не связанных между собой звуков.

– Там пока идет занятие, можешь заглянуть чуть попозже, если тебе интересно, – Александр поймал меня на том, что значительная доля моего внимания была направлена на происходящее в другой комнате, – подожди немного, важно не прерывать процесс.

Я кивнула и послушно села на диван. Мимо меня с царственной грациозностью проплыла Пуля, по пути снисходительно обведя тонким хвостом мои ноги. Она остановилась у двери, как бы изумившись неожиданно возникшей преграде, и вопрошающе посмотрела на меня – очевидно, я должна была решить это недоразумение. Я виновато разве-

ла руками – мне самой не терпелось туда попасть. Убедившись, что от меня толку не добьешься, Пуля положила лапку на дверь и тихо, но настойчиво выказала свое присутствие. В соседней комнате сразу послышались умиленно-восторженные женские голоса, и дверь открылась.

Я не выдержала и вслед за Пулей просунула голову в образовавшуюся щель. На подушках вдоль стен расположилось человек десять, у каждого на коленях был инструмент. Ближе к центру, немного поодаль от остальных, сидел мужчина с седыми в рыжину волосами до плеч и густой бородой, в которой он то и дело прятал легкую добрую усмешку, невольно возникающую у него на губах. Он мерно покачивался в такт создаваемой им мелодии, то закрывая глаза, то мечтательно глядя в потолок. Через какое-то время к нему присоединились остальные и, как ни странно, стали в точности копировать его манеру раскачиваться из стороны в сторону.

– Что стоишь, входи, бери инструмент, – рассудительно протянул он, не прекращая свои телодвижения. Решив, что я и так уже обратила на себя достаточно внимания, я не стала сопротивляться, взяла инструмент и села на единственную свободную подушку, которая, казалось, ждала именно меня.

– Ты у нас недавно? – теперь мужчина будто бы всерьез принял мое присутствие и, обращаясь ко мне, уже больше не раскачивался. – Пробовала играть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.